

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Шаршуковой Ольги Валерьевны
на тему: «„Георгики“ Вергилия и жанр дидактического эпоса»
по специальности 5.9.7 – «Классическая, византийская и новогреческая
филология»

Работа О.В. Шаршуковой производит весьма благоприятное впечатление прежде всего одной своей важной чертой, отнюдь не всегда свойственной диссертациям, представленным на соискание степени кандидата филологических наук. Это стремление автора помещать анализ конкретных пассажей и текстов в целом в достаточно широкую перспективу – как с точки зрения соответствующей литературной традиции, так и с точки зрения литературной теории, как собственно античной, так и современной. Надо сказать, что необходимость такой перспективы задает сам выбор темы, и потому автора следует похвалить и за сам этот выбор, и за то, как она с этим выбором справилась. Речь в диссертации идет не только о стилистических, композиционных и содержательных особенностях «Георгик» - текста, достаточно сложного и разнородного как такового, но в основном о том, как эти особенности встраиваются в релевантную для Вергилия традицию дидактического эпоса и, соответственно, о том, как он себя позиционирует в рамках этой традиции и по отношению к своим предшественникам – причем, как убедительно показывает автор, это отношение было в высшей мере сознательным, т.е. речь идет в том числе и об авторской саморефлексии – проблеме, крайне интересной и значимой применительно к римской литературе в целом и поэзии «золотого века», в частности.

Такое соотнесение текста Вергилия с произведениями предшествующей традиции, от Гесиода до Лукреция, проводится в диссертации весьма четко и последовательно, на протяжении всех ее глав. При этом О.В. Шаршукова, особенно во Введении и первых двух главах, специально сосредотачивается на ключевой для нее проблеме идентификации жанра дидактического эпоса и его ключевых признаках. Справедливо отмечая, что как таковой этот вид гекзаметрической поэзии в античности, если специально и выделялся, то весьма поздно, она не считает это препятствием для его теоретического обособления, скажем, от поэзии героической, приводя в пользу этого ряд вполне обоснованных аргументов, отчасти следуя современной научной литературе, а отчасти и выдвигая вполне самостоятельные тезисы. Здесь следует отметить не просто хорошее знание автором научной литературы, но и важное умение выделять в этой литературе по-настоящему значимые исследования, а внутри них, действительно, существенные соображения, на которых она и сосредотачивается, высказывая при этом порой и критические замечания.

Правда, иногда в своей критике О.В. Шаршукова чересчур лаконична, ограничиваясь, после изложения идеи кого-либо из своих предшественников, фразой типа «Мы считаем, что эта гипотеза не является обоснованной» (стр. 45, ср. также, например, стр. 69). В принципе я в большинстве таких случаев с О.В. Шаршуковой согласен, но все-таки полемика требует несколько более развернутого обоснования. Кроме того, в некоторых случаях не совсем четко отделено изложение идей предшественников (как, например, Ст. Харрисона на стр. 40 и далее) от собственных наблюдений автора. Тем не менее, следует подчеркнуть, что обзор научной литературы в диссертации представляет собой не просто обязательный элемент такого рода работы, но самостоятельный исследовательский инструмент, позволяющий прийти к собственным содержательным выводам. Таким, на мой взгляд, является, например, существенное соображение о противопоставлении героического эпоса,

основанного на единстве сюжета, дидактическому как основанному на единстве композиции (правда, на стр. 19 О.В Шаршукова неожиданно утверждает обратное: «Героические поэмы отличает от дидактических отсутствие сюжета», но это скорее чисто редакторский недосмотр). Мне представляется, что этот важный тезис вообще стоило бы включить в список положений, выносимых на защиту. Это придало бы этим положениям дополнительный вес, поскольку в нынешнем виде лишь первое из них является достаточно общим и теоретически значимым, а остальные четыре касаются более мелких, хотя и значимых вопросов.

Кстати, и эти частные выводы в Положениях стоило бы иногда развернуть и сформулировать более широко за счет материала, реально присутствующего в диссертации. Например, в Положении 2 О.В. Шаршукова сосредоточивается на значении *labor improbus* в описании железного века у Гесиода. Безусловно, внимательный анализ этого выражения является одним из сильных мест диссертации, но жаль, что в этом пункте Положений не нашло отражение интересное и развернутое рассуждение автора о динамике использования «мифа о веках» в разных дидактических поэмах, от Гесиода до Вергилия, и превращении его у последнего в подобие этиологического мифа (стр. 171). В действительности, авторская интерпретация *labor improbus* прекрасно увязывается с этим, более общим и значимым, наблюдением.

Тезис о значимости единства композиции для жанра дидактического эпоса тем более нуждается в подчеркивании и вынесении на первый план, поскольку именно композиционный анализ представляется одной из наиболее сильных сторон работы. Так, чрезвычайно удачным я нахожу сопоставление композиции «Георгик» с внутренним устройством поэм Гесиода и Арата, а также со структурой значимого для Вергилия трактата Варрона (стр. 100 и далее). Правда, применительно к предшественникам Вергилия иногда анализ внутреннего

строения произведений выглядит несколько беглым и односторонним – как, скажем, в случае «Теогонии», где О.В. Шаршукова основывается исключительно на композиционном анализе Куманецкого (стр. 92), не учитывая распространенные в последнее время представления о «Теогонии» как развернутом гимне (Г. Надь и другие). Однако, применительно к «Георгикам» автор приходит к ряду очень интересных выводов (также, возможно, заслуживающих специального подчеркивания): так, убедительно продемонстрированы роль и место пространных отступлений в «Георгиках», образующих своеобразную симметричную и одновременно контрастную систему (стр. 117–120).

Как уже говорилось, помимо конкретных наблюдений лексического и структурно-композиционного свойства (здесь я бы обратил внимание еще и на обсуждения роли каталога на стр. 97–99), а также порой остроумных наблюдений над образной системой «Георгик» (например, о Юпитере и Tellus на стр. 168-169 или о противопоставлении Октавиана и Вергилия и, соответственно, тем войны и мира в поэме, стр. 147 и др.), О.В. Шаршукова уделяет внимание и применимости к дидактической традиции в целом и «Георгикам», в частности, ряда важных жанровых категорий, почерпнутых как из античной теории (прежде всего, Аристотеля), так и из современного литературоведения. С этой точки зрения интересным представляется рассуждение на стр. 87–88 о соотношении современного понятия «стиль» и термина *character* (который, по крайней мере, при первом упоминании я все же писал бы по-гречески, хотя понятно, что непосредственно к Вергилию его применяет Сервий). Правда, автор, с одной стороны, не учитывает всю совокупность теорий стиля в античности (например, практически не упоминается ключевой труд Деметрия), а с другой, сама так и не предлагает адекватного перевода понятия *character* – калька в виде русского «характера» здесь вряд ли кажется удачной. Также сомнительным кажется сближение понятий мифа и басни на стр. 75 и др. – и в античной терминологии,

не говоря уж о современных представлениях, эти понятия принципиально разного порядка. Говоря о месте дидактической поэзии в системе античных жанров, О.В. Шаршукова справедливо старается соотнести это с теорией Аристотеля (в частности, с его «вынесением за рамки» поэзии творчества Эмпедокла), но в изложении этой теории иногда грешит неточностями. Например, несколько раз она говорит о трактовке Аристотелем поэзии как лжи (стр. 60, 64 и др.) – однако это не совсем так, вернее совсем не так. В том-то и дело, что Аристотель в противовес Платону снимает с поэзии обвинения в лживом изображении реальности, следуя своему специфическому пониманию мимесиса. В свою очередь, когда О.В. Шаршукова противопоставляет Аристотеля Платону, говоря на стр. 82, что первый классифицирует жанры по речи персонажей, а второй – по речи автора, эта оппозиция представляется ложной, поскольку и тот, и другой в различении эпоса, лирики и драмы исходили из соотношения речи персонажей, автора и повествования от третьего лица, и в этом друг от друга не отличались. Еще одним спорным, хотя и интересным, противопоставлением представляется попытка автора диссертации выявить два разных варианта интерпретации образа Муз в античной поэзии (стр. 63–67): как отражения или предмета повествования или способа его поэтического описания. Мне кажется, что в большинстве (если не во всех) случаях эти две стороны образа Муз, особенно в архаической поэзии, по сути нераздельны. Так же, на мой взгляд, вопреки мнению автора (стр. 31), элементы поэтической рефлексии вполне можно уловить и в героическом эпосе – например, в изображении певцов у Гомера.

В заключение мне бы хотелось отметить достаточно ясный стиль изложения, стремление представлять материал четко, внятно и (иногда излишне) лаконично. Последовательность глав тоже кажется достаточно продуманной, хотя, разумеется, трудно, например, отделить «Некоторые жанровые особенности...» (гл.1) от «Тематики и проблематики...» (гл. 4), да и тематика

отдельных параграфов тоже зачастую пересекается – отсюда неизбежно возникают повторы, которые, впрочем, не сильно затрудняют восприятие, за исключением тех случаев, когда какое-то понятие впервые возникает и сразу интерпретируется, а лишь потом, спустя несколько (а иногда и немало) страниц эта интерпретация подробно обосновывается. Так происходит с тем же *labor improbus*, который, возникая на стр. 115, сразу же переводится как «непрестанный» без каких-либо объяснений или хотя бы отсылок к подробному разбору на стр. 151 и далее. Не до конца уверен и в необходимости специального суммирования выводов в конце каждой главы, которые по сути повторяют сказанное в ней – и поскольку сказано это было достаточно ясно и четко, такой повтор, иногда в тех же самых выражениях, выглядит избыточным, тем более что финальное Заключение как раз представляется вполне адекватным и содержательным, в том числе содержащим и некоторые дополнительные нюансы, и подводит достойный итог всему исследованию

Вполне очевидно, что все высказанные замечания не только не умаляют значимости диссертационного исследования, а в отдельных случаях даже призваны выделить те его сильные стороны, которые в самой работе подчеркнуты не вполне достаточно. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.7 – «Классическая, византийская и новогреческая филология» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Шаршукова Ольга Валерьевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.7 – «Классическая, византийская и новогреческая филология».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,

главный научный сотрудник отдела античной литературы

ФГБУН «Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН»

Гринцер Николай Павлович

05.12. 23

Специальность, по которой официальным оппонентом

защищена диссертация:

10.02.14 – Классическая филология, византийская и новогреческая филология

Адрес места работы:

121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а

ФГБУН «Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН»

Отдел античной литературы

Тел.: +7(495)

690-50-30; e-mail: info@imli.ru

Подпись сотрудника ФГБУН «Институт мировой литературы имени А. М.

Горького РАН» Н. П. Гринцера удостоверяю: